Раз ошибка, два ошибка… Дело о деревянной рыбе

Автор:
Сильвия Макникол

Раз ошибка, два ошибка… Дело о деревянной рыбе

Сильвия Макникол

Детектив, который ошибается #2

Стивен и Рене, а вместе с ними псы Пинг и Понг снова в деле! В округе творится что-то неладное: стали пропадать странные вещи – чересчур натуральная хэллоуинская кукла (бррр!), украшение со школьного забора, которое все дети делали своими руками, красивый почтовый ящик. А ночью кто-то стащил соседского садового гнома. Да ещё и в школьной библиотеке нашли оставленное кем-то оружие! Стивен продолжает считать ошибки – как свои, так и чужие – и с их помощью мастерски ведёт расследование! Удастся ли ему вычислить искусного злоумышленника?

Сильвия Макникол

Раз ошибка, два ошибка…

Дело о деревянной рыбе

Sylvia McNicoll

THE ARTSY MISTAKE MYSTERY

Copyright © Sylvia McNicoll, 2017

This edition published by arrangement with Transatlantic Literary Agency Inc. and The Van Lear Agency LLC

Cover image: copyright © Tania Howells by permission of Dundurn Press Limited.

Серия «Детектив, который ошибается. Детективные истории для подростков»

Разработка серийного дизайна Бориса Протопопова

© Тинина Ия, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Посвящается всем, кто хотя бы раз в жизни создал шедевр для холодильника, особенно моим внукам: Хантеру, Флетчеру, Финли, Уильяму, Джадзе, Виолетте, Дезмонду и Скарлетт.

В то время как обстоятельства, при которых были совершены ошибки, имели место в жизни, – дети, собаки, учителя, регулировщики и соседи – вымышлены. Если вы узнаете себя в ком-то из них, вы ошиблись.

Вы – молодцы!

День первый

День первый. Ошибка первая

У нас с Рене есть одна договорённость. По утрам, когда я выгуливаю своих клиентов Пинга и Понга, я захожу за ней. Она берёт на себя Пинга, беспокойного джек-рассела. Когда-то он был крошечным щенком. А сейчас миссис Беннет платит мне, чтобы я его дрессировал. Я беру на себя Понга, который и больше, и спокойнее, чем Пинг. Миссис Беннет забрала его из флоридского приюта.

Рене не нравится оставаться одной, поэтому ей не в тягость выходить из дома раньше. Она делает это вместе с Аттилой, своим братом, который учится в старшей школе Чемплейн Хай. На её месте я бы выходил ещё раньше.

Он страшен. Ему очень идёт имя Аттила, как вождю гуннов. Рене говорит, оно очень популярно в Венгрии, откуда родом её родители.

Сейчас я задаюсь вопросом, может ли наша с Рене договорённость быть неудачной затеей? Если так и есть, то это первая ошибка за сегодня, и она не очень значительная. Папа часто говорит, что совершать ошибки – очень важно. Это значит, мы пробуем что-то новое, выходим из зоны комфорта. Думаю, дружба с девочкой – тот ещё выход из зоны комфорта. К тому же Рене всегда притягивает к себе всеобщее внимание. Заколки с блёстками, очки со стразами, кроссовки с подсветкой – вся её одежда приковывает взгляды. Ещё она тараторит, прямо как Пинг. Им обоим всегда есть что добавить. Я же больше похож на Понга – высокий и тихий.

Тихий не в смысле спокойный.

Пинг и Понг белого цвета, у обоих – чёрные пятна на голове и туловище (грейхаунды не всегда серые, Рене может объяснить). Они бегут перед нами, образуя разномастную упряжку: Пинг – дёрганый пони, Понг – уравновешенный жеребец.

Этим утром я смог обойтись без помощи. На дворе отличный осенний день, пригревает солнышко, под ногами шелестит листва. Даже скрюченный как буква Г старикан вышел на пробежку в шортах. Когда он обгоняет нас, собаки подбадривают его лаем. Никто из них не бросается за ним вслед.

– Молодцы! – говорю я.

Я думаю, что сегодня вся дорога к Рене не такая, как надо. Обычно я держу собак слева, чтобы они не справляли нужду на чьих-то лужайках. Но сегодня день вывоза мусора. Раз в месяц соседи могут выставить на лужайку то, что они не хотят отдавать в переработку или выбрасывать в мусорку. Эти предметы могут быть какого угодно размера: от малого до большого. А соседи и городские службы разбирают и вывозят их. Папа называет это день «Днём обновления интерьера». Сейчас он выгуливает пять йорков и ищет книжную полку, которая ему когда-то понравилась.

Мы идём очень медленно, потому что собаки отвлекаются на всё подряд. Время от времени они лают на хлам. А ещё они обожают справлять на него нужду. Понг рысит впереди, а Пинг – за ним. Лучше б мы пошли в парк. Сегодня он больше подошёл бы для прогулки.

– Сейчас же прекрати! – кричу я Понгу, который задрал заднюю лапу на чей-то бак для перерабатываемых отходов.

Хорошо, что рядом с нами останавливается белый помятый фургон. Из него выходит папа мальчика, который учится в нашей школе. Он рассматривает выставленный хлам.

Я хочу поздороваться.

Я не очень хорошо знаю Рювена, его сына, но на прошлой неделе мы с Рене разносили за него газеты. Мистер Джирад сосредоточенно достаёт из коробки бутылки для алкоголя, не замечая нас.

Возможно, ему неловко. В таком случае я тоже притворюсь, будто его здесь нет. Как только фургон отъезжает, я замечаю, что в нём пробита большая дыра. Она заделана каким-то наполнителем. Ремонт своими руками, да ещё и не очень удачный. Поверх закрашенного наполнителя коряво написано: «Заплати

художнику».

– Я не знал, что мистер Джирад – художник, – говорю я собакам.

Увидев вдали девочку-подростка в чёрной толстовке и ярких легинсах в цветочек, Пинг начинает лаять.

У неё проколот нос. На солнце переливается гвоздик, который она носит на носу. Она вытаскивает настенное украшение – самое уродливое из всех, что мне доводилось видеть. Эдакую серую рыбину с открытым ртом, из которого торчат острые зубы, приколоченную к матовой деревянной доске. Может, Пинг рычит на рыбу, а не на девушку? В любом случае я натягиваю поводки.

Она улыбается, восхищаясь рыбой.

– Прямо как настоящая, – не могу удержаться я от комментария по мере приближения к куче. Рыба скручена так, будто она извивается в ручье.

– Она и есть настоящая! Это же таксидермия.

Я морщусь.

– И тебе такое нравится?

– Она совершенна! – Девочка переводит взгляд с рыбы на меня. – Но она не для меня, а для моего преподавателя. Они меняют обстановку в комнате для прислуги.

– Совершенна, – повторяю я, призадумавшись, кто же может быть её профессором.

Она кивает и с улыбкой на устах уходит вместе с добычей.

– Хорошие пёсики, – говорю я Пингу и Понгу, и мы идём дальше. Пока всё хорошо. Хотя я задумался над нашей с Рене договорённостью и её уместностью не только из-за всего, что творится по дороге к её дому. Интересно, ждёт ли она, что я буду делиться с ней деньгами, которые зарабатываю? Я официально

работаю на папину компанию «Нобель. Королевский выгул собак». Нобель – наша фамилия.

А ещё интересно, если бы она не крутилась всё это время рядом, я бы уже встретил настоящего друга? Настоящего, как Джесси. Мы устраивали ночёвки в его доме у бассейна до прошлого лета, когда он переехал. Папа никогда не разрешит остаться на ночь у девочки.

Пинг и Понг тянут меня вперёд. Понг виляет хвостом как безумный.

В паре домов от нас миссис Уиттингем загружает детей в чёрный блестящий минивэн. У неё частный детский сад. Кажется, она усадила в машину с десяток ребятишек. Миссис Уиттингем закрывает дверь. Позже, проезжая мимо нас, она сигналит в знак приветствия.

Из-за этого я на секунду отвлекаюсь. В это время Понг тянет меня к ближайшему дому, к колодцу желаний мистера Руперта, с единственной целью, которую я распознаю за секунду до катастрофы.

– Нет, не смей! Твои желания всё равно так не сбудутся. – Я тяну его назад.

Мистер Руперт – местный брюзга. Он пришёл в бешенство во время нашей прошлой прогулки, когда Понг оставил кучу на его клумбе. И это несмотря на то, что я начал убирать за псом до того, как мистер Руперт принялся орать.

Пингу не нравится, когда я ругаю Понга, поэтому он начинает громко и прерывисто лаять. Пингу, который в четыре раза меньше Понга, нравится защищать друга, когда он сам не дерётся с ним.

– Не волнуйся, я не сержусь на Понга.

Пинг не смотрит на меня, что может значить только одно – сегодня ему нет дела до друга. Он рвётся к дому миссис Уиттингем, который стоит на углу. Если я иду недостаточно быстро, Пинг начинает прыгать на задних лапах.

– Что такое, дружок, – спрашиваю я. – Ты что-то заметил? – Он может возбудиться из-за любого пустяка. Неделю назад он завёлся из-за привязанного

к дереву чёрного пакета с собачьими какашками. Я и сам тогда очень удивился. По мере приближения к дому миссис Уиттингем Понг натягивает поводок так же, как и Пинг. Наконец я понимаю, что привлекло их внимание.

Во дворе миссис Уиттингем растёт дерево, к которому привязаны жёлтые пластиковые качели. Ветер слегка их раскачивает.

Кажется, на качелях кто-то сидит: для птицы или белки он великоват, впрочем, как и для енота. О нет… Она оставила ребёнка одного на качелях.

Маленький мальчик, бледный, как мертвец, с синяками под глазами… как будто его… Но этого не может быть. Она уехала с минуту назад.

Мы с собаками бежим по газону. Я сшибаю коленом дурацкую статую птицы. Ай. Затем я хватаю мальчика с качелей. Я пересмотрел целую кучу видео про спасателей и думаю, что в случае необходимости смогу сделать искусственное дыхание.

Если, конечно, мы не опоздали…

– Эй, ты! Что ты здесь делаешь? – раздаётся голос у меня за спиной.

– Что…

– Я знаю, что оно уродливое, как задница. Всё равно, сейчас же верни это хэллоуинское страшилище на место. И вообще, оставь всё как было.

Согласен, это первая ошибка за сегодня. И она дикая. Мистер Руперт застал меня за спасением до жути реалистичной куклы.

День первый. Ошибка вторая

Хэллоуинское страшилище? Наверное, миссис Уиттингем только установила его. Ранняя пташка. Я бросаю похожую на труп куклу обратно на сиденье.

Мистер Руперт сильно хмурится: морщины бегут по его лицу от бровей до самого подбородка. Его жёлтые волосы торчат, словно проблески молнии. Он скрещивает руки на груди и щурится на меня.

– Это ты украл мой почтовый ящик?

– Нет, нет! Конечно, нет.

На бампере его машины, ярко-зелёного кадиллака, наклеено «Поддержите наши войска». Рене клянётся, что в прошлую субботу видела его в камуфляже. По одной только его выправке – прямой спине и расставленным ногам – можно с уверенностью сказать, что он военный. Да какому безумцу придёт в голову воровать у него?

– Тогда почему ты зашёл на частную территорию? – кричит он, выстреливая слова, словно из пушки.

– Я думал, что это настоящий ребёнок. – Я делю паузу и осматриваюсь по сторонам. До меня доходит, что птица, которую я сбил коленом, – это огромный пластиковый ворон с нарисованной кровью под клювом. По лужайке беспорядочно расставлены надгробия из пенопласта с броскими надписями: «Здесь похоронен Эдди, он умер в своей кроватке». Понг справляет малую нужду на это самое надгробие.

Обычно я внимательнее, чем сегодня.

Мистер Руперт качает головой.

– Ты за кого меня принимаешь?

За брюзгу. Ему я этого, конечно же, не говорю. Я слышал, он коллекционирует оружие.

– Ну… Миссис Уиттингем только что отъехала от дома. Я подумал, что у неё столько детей, что она забыла одного из них. – Я умолчал о том, что и она ошибалась по-крупному. Как-то раз она закрыла машину, в которой остались и ключи, и детишки. Я дал ей свой телефон, чтобы вызвать полицию. Телефон она тоже заперла в машине. Ей было так неловко. Я знаю, каково это. Именно поэтому я никому не рассказал про тот случай.

И всё же, разве она из тех, кто может забыть ребёнка на качелях? Я гоню собак со своего пути и поправляю ворона.

– Так-то лучше! – кричит мистер Руперт. – А сейчас я проверю записи с моей камеры наблюдения. Очень надеюсь, что тебя на них не будет.

Камера наблюдения? Как я уже успел рассказать, на прошлой неделе я помогал Рене разносить газеты за Рювена – парня, который живёт с ней по соседству. Мистер Руперт выписывает газету. Я точно буду на записи.

– Этот ящик смастерила моя жена, – продолжает мистер Руперт и смотрит мне прямо в глаза. – Молись, чтобы я нашёл настоящего вора, – у него огромные, как у героев аниме, карие глаза, больше похожие на пузыри болотной трясины.

Сначала я моргаю.

Затем он тычет пальцем в Пинга и Понга.

– Только попробуйте снова нагадить на мой газон.

– Нет, сэр!

– Катитесь отсюда. – Он показывает на тротуар, а затем смотрит нам вслед. Потом он марширует обратно домой.

Фу-ух! Сердце колотится у меня в груди.

Мы с собаками заворачиваем за угол к дому Рене. У дома собаки толкаются, обогнав меня. Я звоню в дверь.

Рене открывает дверь в ту самую секунду, когда я жму на звонок. На ней розовый свитер, жилет в радужную полоску и красные штаны. И ярко, и броско.

– Ты опоздал на две минуты. Зайди в дом, пока я собираюсь.

Если я опоздал, почему она ещё не собралась?

Пинг обнюхивает спортивную сумку, которая стоит в прихожей.

– Прекрати, – тяну я его за поводок. В то время как я переключил всё внимание на Пинга, Понг залезает в сумку и достаёт из неё какую-то деревянную штуку. Я не успеваю вытащить её из длинной пасти Понга. Он падает на пол и начинает грызть эту штуку.

Именно в эту минуту к нам подходит Рене.

– Нет! Не давай ему рыбок Аттилы.

– Ну, я и не давал. – Мы опускаемся на колени, чтобы отобрать у Понга его новую игрушку. – Я думал, Аттила уже выполнил все общественные работы.

– Нет. Он должен вырезать деревянных рыбок для каждой школы, которая участвует в проекте «Поток мечты», а не только для Брант Хиллз. Эта – для школы имени Брюса Т. Линдли.

Я зажимаю уголки губ Понга большим и указательным пальцем и немного сдавливаю их.

– О боже, он так жаловался, когда принёс рыбу в нашу школу.

– Да, – скрипит зубами Рене. – Это очень кропотливая работа. – Рене тянет акулу.

Пинг лает.

– Есть, достала! – говорит Рене. – Пинг, сидеть! Тихо! – Она поднимает палец, и собака мгновенно усаживается на пол в ожидании угощения. Рене поднимает

спасённую акулу-молот. – Отлично, на ней отпечатки зубов.

– Эта акула, которая побывала в схватке. Засунь её обратно. – Я протягиваю Рене открытую сумку. – У Аттилы наверняка есть ещё.

– Это его последняя партия. Надеюсь, он станет повеселее.

– Разве он не был рад сделать хоть что-то хорошее для природы? – Я достаю из кармана пару легендарных печёночных байтсов от папы: один кусочек для Пинга, второй – для Понга. Нам очень нравились занятия, связанные с рыбами. Не то чтобы мы особо интересовались тем, что настоящую рыбу травят отходами, которые сливают в реку. А проект начали именно из-за этого. Нам просто было весело раскрашивать деревянные фигурки.

Рене кивает.

– Только вот Аттила жаловался на то, что в танк, который он нарисовал на стене Чемплейн Хай, тоже был заложен важный посыл – защита окружающей среды.

– Классный был танк. Я люблю 3D. Он будто прорывался через школу. – А ещё он наводил на меня страх, но об этом я умолчал.

– Твой кит тоже был классным, – сказала Рене. – Кит-Зелёный Фонарь. Очень необычно.

– Больше всего я люблю зелёный и белый.

Зелёный Фонарь – моё школьное прозвище. Оно закрепилось за мной после того, как однажды в четвёртом классе Бруно и Тайсон увидели меня в супергеройских боксерах, когда я переодевался к физкультуре.

Рене уставилась на спортивную сумку.

– Странно, что рыба всё ещё здесь. Школа Брюса Т. Линдли завершает часть программы, которая посвящена окружающей среде. Сегодня они должны были раскрашивать рыбу.

– Может, Аттила забыл отнести её? – улыбаюсь я. Аттила совершил большую ошибку.

Рене тяжело вздыхает.

– Только представь всех этих младшеклассников в халатах, которым и разрисовывать-то нечего.

Мне приятно, что даже Аттила может забыть о столь важном деле. Эта мысль толкает меня на благородный поступок.

– Знаю, давай отнесём рыбу за него?

– Ты уверен? От Брант Хиллз до Брюса Т. Линдли пешком минут пятнадцать. Придётся взять с собой Пинга и Понга, чтобы не опоздать в школу.

– Уверен.

Мы ходим в школу на Брант Хиллз, в седьмой класс. В школе Брюса Т. Линдли учатся с первого по шестой класс. Я поднимаю сумку и тут же роняю её себе на ногу.

Ай, ай, ай. Вторая ошибка за сегодня. Я обнадёжил Рене, а теперь подведу её.

– Эти рыбы весят целую тонну. До школы Брюса Т. её не дотащить.

День первый. Ошибка третья

На фоне ошибки Аттилы, который забыл отнести рыбу куда надо, моя попытка поднять сумку – всего лишь неверная оценка собственных возможностей. Аттила крупнее и тягает железо. Наверно, он может поднять её одной рукой.

Рене сдвигает брови.

– Аттила схлопочет, если этих штук не будет в школе к началу уроков.

– Может, поделим их?

– Давай, вот только… В другом конце прихожей стоит ещё одна сумка. Дай-ка я проверю. Боже мой. Да, эта тоже набита рыбой – Рене тащит хоккейную сумку из другого конца комнаты.

– Да не может быть. – Я качаю головой. – Хорошо, погоди. Может, у вас есть тележка?

– Нет. – Рене щёлкает пальцами. – Но у Рювена – есть!

– Точно, железная такая. Мы развозили в ней почту.

– Он точно одолжит её.

– Отлично!

Пинг лает от возбуждения.

Мы волочим сумки к двери в обход Пинга и Понга. Потом Рене бежит к Рювену. Я держу собак. Она звонит в дверь.

Никто не открывает. Но тележка стоит у самого дома. Просто стоит и ждёт. Пока Рене звонит во второй раз, Пинг лает, а Понг поднимает длинное ухо.

– Мы опоздаем, – кричу я.

Она кивает, с надеждой оглядывается по сторонам, а затем хватает тележку.

– Мы вернём её до того, как они заметят пропажу. Он не будет возражать. – Рене бежит обратно вместе с тележкой.

– У него есть камера наблюдения? – спрашиваю я.

– Не думаю. А что?

– Да просто у мистера Руперта есть камера. А ещё у него пропал почтовый ящик. – Я представляю мистера Руперта в камуфляже. В моих мыслях у него в руках винтовка, и он кого-то преследует. Я поворачиваюсь лицом к Рене. – Ты же не думаешь, что его украл Аттила?

– Это не его почерк. Если бы на городской стене вдруг возникло граффити взрыва почтового ящика, я бы заподозрила брата.

– Мистер Руперт наверняка отказался бы от такого граффити на стене своего дома.

– Ты определённо прав.

Рене поднимает сумку за один конец, я – за другой. Мы закидываем её в тележку. Сумка занимает её целиком. Затем я ставлю на неё вторую сумку. У этой тележки низкие борта, в отличие от её пластиковых сестёр с удобными сиденьями, в которых возят малышей. Но у нас совсем нет времени на два захода.

Мы неспешно трогаемся. Спортивная сумка медленно сползает вниз после каждой кочки или ямки. Я держу Понга на поводке, поэтому тащить за собой переполненную тележку ещё неудобнее.

– Давай я сменю тебя на тележке, – предлагает Рене. Я передаю ей ручку. Но ей ещё сложнее, потому что Пинг бросается под колёса.

– Отдай-ка обратно. – У меня появилась гениальная идея. Я привязываю поводок Понга к ручке тележки, продолжая при этом придерживать петлю. Теперь телегу тянет Понг, а не я. Пинг продолжает покусывать колёса. Управляться и с ним, и с телегой ещё сложнее. Но до школы остаётся всего квартал. Время есть.

Понг тянет телегу за угол, по дороге, которой мы прошли сегодня, то есть через дом миссис Уиттингем. Я рассказываю Рене об удивительной инсталляции к

Хэллоуину:

– Обрати внимание на куклу на качели. Она выглядит настолько правдоподобно, что… – В этот момент у меня отвисает челюсть.

Теперь жёлтые качели пусты. Их раскачивает ветер.

– Наверное, миссис Уиттингем занесла куклу в дом, – говорит Рене. – Может, она напугала самых младших детей.

– Но её минивэна не видно. – В окнах тоже ничего не видно, шторы плотно закрыты. – Ворон с надгробиями тоже пропал.

– Рановато для Хэллоуина, – говорит Рене.

– Надеюсь, мистер Руперт не обвинит меня в пропаже, – но я-то знаю, что обвинит. Он видел куклу у меня в руках. Он никогда не забудет про это, как и про то, что Понг наложил кучу под его цветы.

– Почему он подумает на тебя?

– Потому что… – Мне не очень-то хочется раскрывать ей все детали. В это мгновение Пинг начинает лаять и низко рычать, как большая собака. Удивительно, на что способна эта маленькая козявка.

К нам подходит женщина в оранжевом жилете, надетом поверх большого синего пальто. На ней солнцезащитные очки и кепка как у полицейского. Она бледна, как вампир, а её прямые и гладкие волосы напоминают крылья ворона. У неё в руке стоп-сигнал. Наш новый регулировщик – мадам Х. Дети прозвали её так, потому что на спинке оранжевого жилета нашит «Х» из светоотражающего жёлтого материала.

Наверное, стоп-сигнал раздражает Пинга. Он не любит автобусы, скейтборды, людей в толстовках или с пакетами и зонтами в руках, а теперь, видимо, ещё и женщин в больших пальто и со стоп-сигналами.

Она подходит всё ближе и ближе. На ней солнцезащитные очки, поэтому я не понимаю, заметила ли она нас.

Пинг заводит Понга своим лаем, и тот резко дёргает тележку вперёд. Верхняя сумка заваливается набок. Мне не хватает буквально секунды, чтобы поймать её. Сумка падает. Деревянные поделки рассыпаются в разные стороны.

Мадам Х поднимает знак «Стоп». Если она опустит его, то удар придётся на Пингу по голове. Он заливается лаем.

Рене протягивает руки, чтобы отвести удар от собаки.

В эту секунду мадам Х опускается на колени и кладёт дорожный знак рядом с собой.

– Смелый, смелый, хороший малыш. – Она протягивает руку, на которой перчатка, и гладит ею Пинга.

Пинг лает ещё ниже.

– Можно, я его угощу? – спрашивает она у меня. Наверное, потому что на мне форма с отпечатком лапы – логотипом «Королевского выгула собак» на кармане футболки.

– Да, конечно.

– С самого детства у меня были джек-расселы. – Она даёт ему небольшую молочную косточку. – Эта со вкусом сыра, – говорит она Пингу, а затем протягивает большую кость Понгу. – А эта – с беконом.

Пинг заваливается на спину, и она чешет ему брюхо.

Тем временем я собираю рыбу обратно в сумку.

– Хороший мальчик, сбросил эту уродливую рыбу, из-за которой я не вижу детей с площадки.

Четвёртую ошибку за сегодня совершает мадам Х. Она путает деревянные заготовки с уже раскрашенными рыбками, которыми украшен школьный забор зоны для малышей. Да, я считаю, что нужно считать и те ошибки, которые делают взрослые. Они же не упускают возможности указать на ошибки детей.

Я открываю рот, чтобы объяснить, что это всего лишь заготовки, а не разрисованные рыбки, как на школьном заборе. Из рюкзака Рене раздаётся пара нот симфонии номер пять.

Она достаёт телефон из бокового кармана и проверяет входящие.

– Это Аттила, – читает она. – Он в панике. Вышел на пять минут, чтобы одолжить машину для доставки рыбы. Вернулся домой, а рыб нет, – хмурится Рене.

Ну, отлично, промах мадам Х можно вычёркивать – наша ошибка гораздо крупнее. Пусть это будет третья ошибка за сегодня. Мы очень хотели помочь угрюмому Аттиле, который, как мы думали, забыл про общественную работу. Мы его недооценили. Аттила просто нашёл более простой способ выполнения этой работы.

День первый. Ошибка четвёртая

Мадам Х идёт дальше в сторону парка, в то время как мы с Рене и собаками неуклюже катимся в другую сторону – к парковке школы Брюса Т. Линдли, чтобы пересечься на ней с Аттилой.

Он добрался раньше нас. Высокий, с чёрным заострённым ирокезом и тяжёлыми, как у гориллы, руками, Аттила даже не здоровается, лишь бурчит:

– Отдай. – Он выхватывает у меня ручку тележки и тащится с ней к школьной двери.

– Мы должны вернуть тележку Рювену, – воодушевлённо говорит Рене, пока мы плетёмся за Аттилой. Она в три раза мельче его и в три раза более жизнерадостная.

– Ждите здесь! Им, – Аттила тычет пальцем в собак, – вход воспрещён.

Он тянет тележку к ступенькам. Верхняя сумка снова сползает и падает. Аттила клянёт всё на свете, собирает выпавшую рыбу и бубнит под нос что-то похожее на:

– Ненавижу, ненавижу, ненавижу.

Мы бросаемся ему на помощь. Даже не знаю зачем.

– Дурацкая рыба, – бурчит он, как только мы заканчиваем.

Потом он уходит в школу и пропадает. Нам кажется, что его нет целую вечность.

– Надеюсь, они не заметят отпечатки зубов на акуле, – говорит Рене.

– Тот, кому она достанется, заметит, – отзываюсь я. – Может, ему даже понравится.

Наконец Аттила выходит из школы и возвращает нам пустую тележку Рювена. Он снова бурчит под нос что-то совсем не похожее на «спасибо», а затем отчаливает на старом жёлтом «Сатурне», над починкой которого он работает с друзьями.

Я не сдерживаюсь и качаю головой.

– Ну, был рад помочь.

Рене хмурится.

– Аттила очень занят в эти дни.

– Да не может быть! Неужели устал рубиться в видеоигры? – Я никогда не смогу понять, почему Рене выгораживает Аттилу. Он не очень-то добр к ней.

– Нет, на носу крайний срок подачи заявки в колледж Могавк. Если он не поступит, папа отправит его в военное училище. Ему ещё портфолио собирать.

– Ну да. – Мы трогаемся обратно к дому Рювена. – Знаешь, он очень талантливый. Жаль, что все его картины нарисованы на стенах красками из баллончиков.

– Ну и что, он же совсем как Бэнкси. – Чуть раньше Рене рассказала мне про Бэнкси. Этот британский художник знаменит своими граффити. И да, он очень крут. Его работы выглядят довольно агрессивно. Как и работы Аттилы.

– Спорим, Бэнкси никогда не учился в колледже.

– В общем, Аттиле нелегко, ты же это понимаешь. Вырезка рыбы по дереву для «Потока мечты» тоже отняла у него кучу времени.

В общем, я понимаю, почему у Рене в семье разлад. Рене говорит, что родители часто ссорятся из-за Аттилы. Отец хочет отправить его подальше, а мама считает его одарённым и непонятым.

А я думаю, он одарённый и ворчливый.

Мы подходим к дому Рювена. Я проверяю, нет ли камер видеонаблюдения. Ни одной. Хорошо. Мы ставим тележку на место, а затем выбегаем на мощёную дорожку. Собаки вырываются вперёд, ведь им так нравятся пробежки.

Мощёная дорожка тянется по трём улицам и ведёт к Брант Хиллз – нашей школе.

Мадам Х поднимает знак «Стоп». Она переводит через дорогу даму с маленькими детьми. И тут я понимаю, что что-то не так.

Мама заводит детей в сад и смотрит, как за оградой они садятся на трехколёсные велосипеды.

– Рене, – говорю я, – я вижу детсадовцев.

– О боже, ты прав. Рыбы-то нет!

– Я так рада, что вы её сняли, – говорит мадам Х, переводя нас через дорогу. Она показывает на детский сад рукой. – Только посмотрите на этих милых деток! – Она улыбается, в то время как какой-то мальчик замахивается маленькой клюшкой на девочку, которая катается на велосипеде.

– Но рыба была такой яркой, с ней было веселее, – говорит Рене.

– Вы-чур-рыб-но, – говорит мадам Х. Она резко дует в свисток. – Мальчик, прекрати! Нельзя бить людей хоккейными клюшками.

Мальчик не слушает мадам Х. Но её слышит воспитатель, который и разводит детей по разным углам.

Сейчас у нас с Рене нет времени выяснять, куда пропала рыба. Надо отвести Пинга и Понга домой. Ещё я хочу переодеться перед школой, не идти же мне на учёбу в форме «Королевского выгула собак».

Контейнеров с мусором для переработки стало больше, к ним приставили матрас и диван. Мы идём к дому Беннетов ещё медленнее, потому что собаки обнюхивают всё подряд.

Я останавливаюсь у одной кучи с игрушечной кухней из пластика: с плитой, холодильником и шкафчиками.

– Ой, у меня был такой набор! – От нечего делать я нажимаю на кнопки на плите, они загораются красным. – Нет! – Я отпихиваю Понга, как только он задирает длинную заднюю лапу.

Мы идём дальше. Мимо снова трусит старик-бегун. Собаки заливаются лаем, а Рене здоровается:

– Доброе утро.

Он слегка касается кепки. Мы стоим на месте, чтобы у него было время отбежать подальше.

– Я не понимаю, – говорит Рене. – Зачем он надевает куртку с этими шортами для бега?

– Может, в ней спрятан кардиостимулятор? – предполагаю я.

– Он не настолько стар – просто сгорбился от сидячей работы.

– Откуда ты знаешь? – Сам не знаю, зачем я задаю этот вопрос. Рене всегда всё знает.

– Мама наняла его, чтобы он помог Аттиле с портфолио. Раньше мистер Ковальски преподавал на факультете изящных искусств в Могавке. – Мы идём дальше к новой куче мусора. Рене останавливается. – Ой, посмотри, кто-то выбросил картину!

У мусорного бака стоит картина в рамке. На ней изображён мальчик с кроликом на ферме в снегу.

– Так жаль, мне она нравится, – говорю я. Но у меня нет времени на картину, в школу бы не опоздать.

Мусоровоз тормозит прямо около нас. Собаки заливаются лаем, словно безумные. Водитель закидывает в кузов несколько газет и бутылок, а затем картон, перевязанный белой верёвкой.

Собаки продолжают лаять.

Предметы искусства, кухонные гарнитуры и матрасы пойдут в другую машину. Водитель запрыгивает обратно в кабину и опускает рычаг.

Как только грузовик начинает раскачиваться, как папуас в ритуальном танце, Пинг срывается на ещё более отчаянный лай. Всё выглядит так, будто водитель активировал пищеварительную систему машины, и теперь грузовику надо утрамбовать поглощённую еду.

Четвёртая ошибка в том, что мы отвлеклись на этот странный танец. Мы не должны спускать глаз с собак наших клиентов, чтобы всегда ограждать их от опасностей.

День первый. Ошибка пятая

Наконец грузовик снова трогается с места. Собаки резко стихают. Хорошо. До их дома – рукой подать. Они больше не машут хвостами, понимая, что развлечения закончились. У бунгало Беннетов я достаю ключи из кармана, открываю дверь и спускаю собак с поводка.

Они резко опускаются на пол в разных концах холла. Это совсем не похоже на Пинга.

– Он зажал что-то в пасти, – говорит Рене.

Пинг виновато опускает глаза. Я наклоняюсь чтобы разобраться, в чём дело.

– Где он это взял? – Я осторожно вынимаю разрисованного окуня из его пасти. У него зелёная чешуя и грустные выпученные глаза, нарисованные чёрной краской.

– И Понг туда же. – Рене отнимает у него рыбу-меч.

– Очень похоже на поделку для «Потока мечты» нашего Бруно. Видишь белое пятно около меча?

– А окуня разрисовал Тайсон. Они выбрали по крупной рыбе, а потом напортачили с раскраской. – Рене качает головой.

– Я не понял, где же они их нашли? А ты видела?

– Не-а.

– Жаль. Может, это тот самый вор, который украл поделки из «Потока мечты». – Мы призадумались, а затем начали рассуждать вслух. – Наверное, они стащили рыбу из какой-то кучи мусора, – говорю я.

– Думаешь? Кто же бросит украденное перед своим же домом? – спрашивает Рене. – Как-то глупо. Всё равно что напроситься на разоблачение.

– И то правда. К тому же если их украли, то зачем потом выбросили?

– Ну, мадам Х хотела, чтобы их сняли с забора, – настаивает Рене. – Да и никто не расстроился, что они пропали. – Мы посмотрели друг на друга.

Я не должен зацикливаться. Мама говорит, что зацикливаться – плохо. Мне надо двигаться дальше. Собаки окружают меня и смотрят в оба глаза. Они хотят, чтобы им вернули их игрушки. Я не знаю, что делать с размалёванной рыбой. Но я точно не хочу, чтобы они насажали себе заноз в языки.

– Ну, хорошо, – наконец говорю я и запихиваю рыбу в большой карман штанов.

– Наполни миски водой до краёв, – говорю я Рене. Так я оттягиваю время. Мне не хочется оставлять их. Рене поглаживает Понга, а Пинг заваливается на спину, чтобы ему почесали брюшко.

– Ребята, нам пора, – говорю я, погладив Понга напоследок. Затем мы с Рене быстро уходим. Это как сорвать пластырь.

Закрывая дверь, я слышу, как разочарованно тявкает Пинг.

Рене пожимает плечами. Это самая тяжёлая часть работы выгульщика. Она хуже, чем подбирать какашки.

Потом мы идём ко мне, чтобы я мог сменить футболку с логотипом «Королевского выгула собак». Я остаюсь в штанах-карго, которые тоже входят в форму, и забираю свой ланч из кухни. Это пластиковый контейнер с отделениями, в которых дольки яблок и морковные палочки разложены так,

чтобы они не касались сэндвича с мягким сыром. Сегодня обходится без путаницы с пакетами. Никакой размороженной печени и стёкшей с неё крови. Печень была на прошлой неделе, когда папе пришлось упаковать мой сэндвич в обычный пакет, потому что рюкзак остался в школе. «Мы учимся на своих ошибках», – радуюсь я про себя. Я не забываю и про рюкзак. Дневник мне подписали. Мой учитель, миссис Уосли, очень трепетно относится к подписям. Даже если нам ничего не задали, мама или папа должны подписаться, что они об этом знают.

– Хочешь батончик с гранолой? – спрашиваю я Рене, прихватив парочку на дорожку.

– Давай.

Я подкидываю ей батончик. По дороге в школу мы дружно жуём овсяные батончики, покрытые шоколадом. Мы успеваем. Всё хорошо. На дворе самый обычный день. Мы найдём логичное объяснение тому, что рыба пропала. Я уверен. Почтовый ящик, украденные украшения к Хэллоуину – тоже не проблема. Если бы мама была рядом, а не на работе в Амстердаме, она сказала бы, что всё это – не моя головная боль.

Мы успели до второго звонка, поэтому нет нужды пробираться в школу на цыпочках. Утро, как обычно, начинается с исполнения гимна. Затем мы слушаем объявления. Наш директор, миссис Ватье, ни разу не упоминает о том, что с изгороди пропала рыба «Потока мечты». Можно подумать, что директор сделала бы объявление, если бы это было что-то обычное, как, например, уборка или перестановка. Но мои родители уверены в том, что я всегда копаю слишком глубоко. Поэтому я пытаюсь переключиться на что-то другое. Одна восьмиклассница начинает зачитывать воодушевляющее стихотворение, но быстро обрывает чтение. Позади неё кто-то переговаривается. Затем вмешивается миссис Ватье:

– Внимание на меня, пожалуйста. Оторвитесь от своих дел и послушайте. Мы взаперти. Повторяю: мы все взаперти. Вводится режим чрезвычайной ситуации.

– Почему? – хочу закричать я, но вместо этого я делаю глубокий вдох. А потом ещё один. Возможно, я делаю это слишком громко, особенно на фоне всеобщего молчания. А ещё возможно, что я побледнел, потому что я чувствую лёгкое

головокружение.

Тайсон закатывает глаза и толкает меня.

– Успокойся ты, Зелёный Фонарь. Это всего лишь учения.

Но в следующую же секунду миссис Уосли закрывает дверь на замок. Она говорит высоким спокойным голосом:

– Седьмой класс, сосредоточьтесь. Сейчас мы будем делать то, что репетировали несколько недель назад. Вы же всё помните? Все должны собраться в безопасном углу.

Интересно, это всё из-за пропавшей рыбы? А вдруг след ведёт к разгуливающему по школе стрелку. О боже, мистер Руперт! Может, он просмотрел записи с камер и теперь ищет меня? Я делаю ещё один вдох. Я не стану паниковать, как во время пожарной тревоги на прошлой неделе. Хотя тогда оказалось, что в школу поступила угроза взрыва. Мы с одноклассниками собираемся в нашем безопасном углу.

На улице светит солнце. Я вижу, как на парковку въезжает полицейская машина. Просто полиция на учениях. Это ничего не значит. Я не собираюсь срываться с места и кричать, чтобы все спрятались. Я спокойно опускаюсь на колени рядом с Рене. Скорее всего, Тайсон прав. Это всего лишь учения.

Миссис Уосли приклеивает скотчем наш номер на дверное стекло.

За полицейской машиной паркуется ещё одна, а за ней ещё одна.

Во время учений такого не бывает. Пятая ошибка: думать, что Тайсон иногда бывает прав.

День шестой. Ошибка шестая

Я продолжаю тяжело дышать, чтобы сердце не колотилось так бешено. Но, когда миссис Уосли дёргает за верёвку жалюзи и они с грохотом падают вниз, я подпрыгиваю. Как и Рене. Мы врезаемся друг в друга.

Миссис Уосли подносит указательный палец к губам и машет, чтобы мы держались кучнее. Она стоит перед нами, скрестив руки на груди. Наша учительница ниже меня и при этом бесстрашна, как орлица. Рядом с ней я чувствую себя в безопасности.

Мы с Рене сидим на полу рядом. Сидеть тихо – та ещё задачка для неё. За очками видно, как её глаза лезут на лоб. Я чувствую запах карамели. Интересно, так пахнет её кожа? Может, дело в лосьоне или креме? Будет ли у меня приступ? Я читал про людей, у которых был припадок после вдыхания каких-то необычных ароматов. Хотя обычно это случалось после запаха горелых тостов. Остальные продолжают ёрзать на месте. Сегодня пол кажется твёрже, чем обычно. Поэтому я немного сдвигаюсь, но всё равно не могу найти удобного положения.

Миссис Уосли пересчитывает нас пальцем, проговаривая цифры вслух. Закончив, она улыбается и кивает. Затем она берёт нашу книгу «Ночной садовник» и начинает читать шёпотом. Это страшная история о жутком дереве, которое растёт в поместье и подчиняет себе всех его обитателей. История ещё страшнее, потому что миссис Уосли читает её шёпотом. Страшнее в хорошем смысле. В конце концов это дерево для нас не опасно. Зато нам кажется, что человек, из-за которого нас заперли, не в нашем измерении.

Миссис Уосли никогда не нравилась мне так сильно, как сегодня. И это несмотря на то, что в начале года я случайно назвал её «мама».

Когда она доходит до конца второй главы, вдруг включается громкоговоритель, и миссис Ватье объявляет об окончании чрезвычайного положения. К этой минуте история захватила меня настолько, что мне совсем не хочется прерываться. Надо проверить, есть ли эта книга в библиотеке Брант Хиллз. Надо узнать, чем закончилось дело.

Миссис Ватье объявляет, что полиция обыскала всю школу и убедила её в том, что ни сотрудникам, ни ученикам ничего не грозит. Но она не говорит, что послужило причиной тревоги. Ещё она умалчивает о пропавшей рыбе.

Миссис Уосли просит меня и Рене поднять жалюзи. За окном по-прежнему погожий осенний денёк. Ничего не изменилось. Нет ни тел, ни пожарников, ни взрывотехников. Впрочем, рыбы на заборе тоже нет.

Миссис Уосли просит Тайсона снять бумагу с номером с двери.

Мы продолжаем заниматься математикой как ни в чём не бывало. Миссис Уосли рассказывает об округлении чисел до десяти для удобства умножения и деления. Она показывает нам задачку на доске:

– У Бронте Крик есть гнездо с рыбьей икрой, и в нём пятьсот сорок четыре икринки. Если из них вылупилось триста двадцать два головастика, то сколько головастиков не вылупилось?

Эта задачка наводит меня на мысль о пропавшей рыбе. Если в Брант Хиллз учится двести пятьдесят ребят, на заборе должно было быть столько же рыбок. Каждая была прикручена двумя металлическими скрепками. Чтобы снять все, понадобилось бы немало времени. Кто-то должен был это видеть.

– Стивен?

– Да, миссис Уосли.

– Сколько рыбок?

Я замешкался. Откуда она знает, что я думаю о пропавшей рыбе «Потока мечты»?

– Двести двадцать две! – отвечает Рене.

В такие моменты Джесси – куда лучший друг. Он никогда бы так не поступил. Даже если бы учитель спросил его после меня, он притворился бы, что не знает ответа. Возможно, ему даже притворяться б не пришлось. Рене не очень-то хороша в том, чтобы быть одновременно и умной, и при этом тихой.

– Рене, подними руку и дождись, когда тебе дадут слово, – сдвигает кустистые брови миссис Уосли. – Класс, она права?

Рене всегда права. Но я не буду отвечать на этот вопрос.

– Помните, мы считаем в уме, – журчит её голос. – Мы округляем до ближайшего круглого числа, например пятьсот сорок четыре до пятисот сорока. И отбрасываем двойку от трёхсот двадцати двух, чтобы было триста двадцать. Теперь мы отнимаем триста двадцать из пятисот сорока. Ответ – примерно триста двадцать.

– Но вычесть триста двадцать два из пятисот сорока четырёх довольно просто, – говорит Рене.

Она не может сдержаться. Рене не хочет спорить, так само выходит.

Миссис Уосли закрывает глаза на секунду. Затем снова открывает их.

– Но так мы не научимся округлять, да, Рене? Мы должны научиться округлять до десяти.

– Но кто же захочет округлять, когда можно подсчитать?

«Многие», – думаю я. Например, я. Мы же не мерки для костюма собираемся снимать, точность для нас не важна. Если каждому ученику нашей школы нужно раздать по деревянной рыбе, я бы точно пересчитал всех учеников. Или округлил бы. Надеюсь, что они округлили, и никому не придётся раскрашивать рыбу, которую пожевала собака.

– Прошу прощения. Отправьте, пожалуйста, Стивена Нобеля и Рене Кобай в мой кабинет. Стивен Нобель и Рене Кобай.

Я оглядываюсь в панике. Одноклассники не сводят с нас глаз. Всё это может значить только одно.

Нас будет допрашивать полиция. Они посадят нас в комнату со стеклом-зеркалом, через которое будут наблюдать за нами.

Рене хватает меня за руку и встаёт, утягивая меня за собой. Я встряхиваюсь. Она первой выходит из нашего класса и идёт в кабинет директора.

Я вижу его через окно. Это тот самый полицейский с собакой по кличке Трой.

Он открывает нам дверь. Рене тут же говорит:

– Я вас помню. Вы – тот самый полицейский, который взорвал научный проект Рювена!

Рене права на счёт полицейского, который ждал нас в кабинете директора. Это он прочёсывал школу после того, как поступила угроза взрыва. Я узнаю этого золотистого пса с чёрной мордой из тысячи. Он тоже узнаёт нас и виляет хвостом.

После того как Трой обнюхал рюкзак Рювена в компьютерном классе, робот отвёз его на рентген, который показал провода. В рюкзаке было радио ручной сборки для научного проекта. Робот отвёз рюкзак в песочницу и взорвал его там.

Зачем напоминать офицеру про его ошибку? Неужели Рене не могла сказать, что помнит его с происшествия на крыше или что-то подобное? Тогда-то мы и познакомились и с ним, и с Троем. Они обыскивали школу сверху донизу. Рене не очень-то располагает к себе полицейского.

– Я констебль Юргенсен. – Он показывает большим пальцем на женщину с косой, спрятанной под полицейской фуражкой. – А это констебль Уилсон. Вы – те самые дети с грейхаундом и джек-расселом? Рене и Стивен, верно?

Мы киваем.

– Сядьте. Мы хотим задать вам пару вопросов. – Констебль Юргенсен не очень-то дружелюбен. Даже Трой больше не виляет хвостом. Шестую ошибку за день совершает Рене. Ведь она напомнила констеблю о том, что испортило ему настроение.

День первый. Ошибка седьмая

– Спрашивайте. – Я слегка улыбаюсь, чтобы показать офицеру, что мы дружелюбны и готовы к сотрудничеству. Но не слишком широко, чтобы они не подумали, что мы смеёмся над ними. Мы с Рене берём по стулу. – Мы будем рады рассказать всё, что знаем.

– Хорошо, – говорит констебль Уилсон с улыбкой. – Замечательно.

Трой довольно пыхтит. Он словно улыбается нам.

– Вы не видели подозрительных лиц у школы, когда выгуливали собак сегодня утром? – спрашивает констебль Юргенсен, приподняв бровь.

– Ну, нет, мы пришли в школу немного позже, чем обычно, – говорит Рене.

– Да, верно, сначала мы сходили в школу Брюса Т. Линди, – добавляю я.

Трой виляет хвостом, будто одобряя наши ответы.

– То есть вы не видели, как в школу вошёл вооружённый человек? – продолжает констебль Юргенсен.

Я ахаю. «О нет, мистер Руперт!» – думаю я, качая головой.

– Нет, сэр, – отвечает Рене.

– А прошлой ночью? – спрашивает констебль Уилсон. Если они играют в хорошего и плохого копа, то она точно хороший. Я замечаю, что именно она держит в руках поводок Троя. – Или ранним утром?

Я качаю головой.

– Может быть, вы видели незнакомцев? Что-нибудь необычное? – гавкает констебль Юргенсен. Трой тоже гавкает.

Констебль Уилсон немного ослабляет поводок Троя.

– Ничего, – говорю я.

Мне начинает казаться, что нос констебля Юргенсена заостряется, глаза вытягиваются.

– Вы уверены? Вы живёте совсем близко, да?

– Я – да, – говорю я, тыча пальцем в Рене. – Она – нет.

Трой делает шаг вперёд и принюхивается к моей штанине.

От неловкости я начинаю ёрзать.

– Ты какой-то подозрительный, – жёстко бросает констебль Юргенсен. – Чувствуешь вину за то, что украл экспозицию «Потока мечты»?

– Нет! – пищу я, вскакивая. Я почти слышу, как в моих карманах клацает рыба.

Трой снова гавкает.

– Мы не крали рыбу, – говорит Рене. – Зачем она нам?

Констебль Уилсон слегка покашливает.

– Миссис Филипович, которая регулирует перекрёсток, говорит, что видела деревянную рыбу в вашей тележке.

Трой принюхивается к моей штанине, поднимаясь чуть выше.

– Та рыба не с забора детского сада при школе. Её сделал мой брат, Аттила.

– Аттила! – восклицает констебль Юргенсен. Затем он поворачивается к констеблю Уилсон и поясняет: – Тот самый несовершеннолетний, который разрисовал старшую школу.

– Да, но он выплатил свой долг обществу, – говорит Рене. – Он сделал кучу деревянных поделок для обеих школ, которые участвуют в «Потоке мечты».

Здесь встреваю я.

– Мадам Х, то есть миссис Филипович, видела, как мы везли их в школу Брюса Т. Линдли.

Костебль Уилсон прищуривается.

– Аттила не подходил к этой школе, верно?

– Нет! Он учится в Чемплейн Хай, а не в Брант Хиллз.

Рене расскажет им, что Аттила одолжил машину, которую они чинили на уроках труда, чтобы добраться до школы Брюса Т.? Учитель труда ему разрешил? Или использование «Сатурна» – тоже кража?

В кои-то веки Рене не теряет присутствия духа. Я думаю, она всё делает правильно.

– То есть вы не знаете, куда делась рыба? – спрашивает констебль Юргенсен.

Я должен рассказать полицейским, что в моём кармане лежит деревянная рыба. Но они точно подумают, что мы замешаны в краже. А мы ведь ничего не знаем. Я кладу руку на карман с рыбками. Кажется, окунь и рыба-меч ожили и пытаются выпрыгнуть из моего кармана.

Кажется, Трой что-то учуял. Он подпрыгивает на месте.

– Что у тебя в кармане? – спрашивает констебль Уилсон.

– Печёночные байтсы, – отвечаю я, доставая пакет на молнии из другого кармана. – Их готовит мой папа. Можно угостить Троя кусочком?

– Ни в коем случае, – говорит констебль Юргенсен.

Трой упирается лапами в мои ноги и виляет хвостом.

– Прости, малыш, – говорю я и чешу ему за ухом.

– Покажи, пожалуйста, что у тебя в другом кармане, – говорит констебль Уилсон.

Моё лицо пылает, щёки становятся красными, как томатный суп. И что теперь?

Я знаю, что должен был достать рыбу-меч и окуня, как только констебль Юргенсен упомянул «Поток мечты». Стоило сделать это ещё раньше. Как только я зашёл в кабинет, я должен был спросить, куда пропала рыба с ограды и показать те, что собаки подобрали на своём по пути.

Но нет. Я медленно и нехотя достаю окуня и рыбу-меч именно сейчас.

Рене быстро встревает.

– Они были в пасти Пинга и Понга, когда мы вернулись домой. Мы понятия не имеем, откуда эти рыбы. – Она говорит так быстро, что даже я верю в то, что их она их украла. Трой взвывает и падает на пол.

– Серьёзно? – говорит констебль Юргенсен. – Вы уверены, что они не подобрали их в комнате Аттилы?

– Что? – визжу я. – Мы даже не заходили домой к Рене. В смысле зашли, но только в коридор на пару минут.

– Так собаки подобрали их в коридоре? – спрашивает констебль Уилсон.

– Нет!

– Вы сказали, что не имеете ни малейшего понятия, где собаки подобрали рыбу. Теперь вы уверены в том, что это случилось не в доме Аттилы.

– Потому что дома у них в пасти были заготовки, которые мы отвезли в школу Брюса Т. Линдли, – поясняет Рене. – Собаки стащили заготовки из сумки, которая стояла в коридоре.

– Думаю, они подобрали разрисованные поделки у какого-нибудь мусорного бака в Данкастере, – говорю я. – Может, они вообще выпали из мусоровоза.

– Ты не в курсе, есть ли у твоего брата оружие? – спрашивает констебль Юргенсен.

– Нет. Конечно нет.

– То есть ты не в курсе?

– Нет. Я имела в виду, что у него точно нет оружия.

– Почему ты так уверена в этом?

– Я знаю своего брата. Он не жесток.

– Но он рисует танки.

– Так он выражает протест против войны.

Констебль Уилсон шепчет что-то констеблю Юргенсену на ухо. Тот кивает в ответ.

– Хорошо. На этом всё. Но скажи Аттиле, что нам надо увидеться с ним, чтобы задать пару вопросов.

– Может, вам лучше поговорить с мадам X? – говорит Рене. Седьмая ошибка. Чем больше спорит Рене, тем более очевидным становится то, что Аттила причастен ко всему этому.

– Мы уже поговорили с ней, – отвечает констебль Уилсон.

– Мы с вами свяжемся, – говорит констебль Юргенсен, а затем машет рукой на прощание.

– Пока, детки, – добавляет констебль Уилсон, улыбаясь, будто она всё ещё на нашей стороне.

День первый. Ошибка восьмая

– Зачем ты сказала им допросить мадам Х? – спрашиваю я на выходе из кабинета. – Она любит и детей, и собак. Очень милая женщина.

– Потому что она сказала, что ненавидит эту рыбу. На ней огромное пальто, а ведь ещё даже не холодно.

– Думаешь, она прячет все двести пятьдесят рыбок у себя под пальто?

– Тише вы там, в коридоре! – кричит какой-то учитель из кабинета, а затем резко захлопывает дверь.

Рене закатывает глаза и пожимает плечами.

Я говорю шёпотом:

– Она поблагодарила нас за то, что мы их сняли. Стала бы она так говорить, если бы сама их украла?

– Да это она просто хотела сбить нас с толку. Она говорит, что рыбы ей мешали. Она не могла видеть… – Рене делает воздушные кавычки пальцами – «деточек».

– Но Аттила ненавидит их ещё сильнее. У него пар из ушей валит, если он приближается к этой рыбе.

– И ты туда же. Готов свалить любую вину на Аттилу.

Миссис Уосли высовывает голову из нашего кабинета и машет нам, чтобы мы вернулись.

– Стивен, Рене, хватит бездельничать в коридоре!

– Позже! – шипит Рене. Она готова взорваться от всего того, что ей хочется сказать на самом деле.

За булочкой с джемом и мягким сыром во время обеда её наконец прорывает:

– Стивен, ты не понимаешь. Если полиция снова придёт к нам домой, чтобы допросить Аттилу, снова начнутся ссоры. Папа будет орать. Мама – плакать.

Мне так жаль Рене. Я проглатываю кусочек своей булочки с джемом и мягким сыром.

– Может, написать ему сообщение? – говорю я. – Пусть сам сходит в полицию.

– Хм, – задумывается она на секунду. – Ты прав. Так родители ничего не узнают. – Она достаёт телефон, набирает длиннющее сообщение, а потом поднимает глаза на меня. – Знаешь, что мы должны сделать?

– Нет, что?

– Надо найти настоящего вора, чтобы отвести подозрение от Аттилы.

– Ты ничего не забыла?

– Чего?

– У того, кто украл рыбу, скорее всего, есть оружие.

На уроке после ланча мы проходим метафору и сравнение. Это так же весело, как играть с щенятами. (Кстати, это и есть сравнение.) Миссис Уосли пускает по рядам круглую коробку, в которую каждый бросает бумажку с двумя существительными. Я закидываю «собаки» и «рыба».

Как только всё готово, каждый достает по две бумажки. Мне достаётся «бомба» и «Майнкрафт». Миссис Уосли разрешила вытянуть мне ещё одну, потому что названия брендов не считаются. На этот раз мне достаётся «ошибка».

– А теперь напишите пару предложений либо с метафорой, либо со сравнением.

Рене достаётся «инопланетянин» и «брат». Она зачитывает следующее предложение:

– Мой брат превратился в инопланетянина. Я даже не знаю, с какой он планеты.

В этом я с ней согласен.

– Хорошо! – Миссис Уосли показывает на Тайсона.

– У меня «искусство» и «ружьё», – отвечает он. – Не могу ничего придумать.

– Класс, давайте поможем.

Рене выкрикивает:

– Искусство – это оружие массового поражения.

– Превосходно. Только подними руку в следующий раз. Стивен?

Меня коробит от моих же примеров.

– Ошибка – это бомба, которая взрывается, когда ты совсем этого не ждёшь.

– Очень хорошо, – говорит миссис Уосли.

Нет, совсем не хорошо, думаю я. Сегодня я уже пережил взрыв семи бомб.

Наконец пришло время собираться домой. Пока мы записываем последнее задание в дневник, миссис Уосли вручает каждому ученику по конверту с объяснением утреннего происшествия. Она говорит, что его нельзя открывать без родителей.

Мы с Рене уже знаем, что кто-то принёс оружие в школу. Она боится оставаться одна, поэтому ей так нравится проводить время со мной, пока её родных нет дома. Сегодня она особенно прилипчива.

К этому часу все баки и контейнеры для мусора опустели, вся мебель, включая игрушечную кухню, а также та крутая картина с мальчиком и кроликом исчезли.

Мы возвращаемся ко мне домой. Папа вяжет что-то голубое и крохотное, сидя на диване. На четырёх спицах, не меньше.

Рене как-то странно улыбается.

– Здравствуйте, мистер Нобель. Что вяжете?

– Привет, дети. Свитер. – Он поднимает вязание, чтобы мы получше его рассмотрели.

Рене смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

О нет. Она же не думает, что моя мама ждёт ребенка. Затем я немножко паникую. Мама беременна?

– Пап, он такой маленький.

Он кивает.

– Йорки вообще мелкие. Вяжу каждому по одному. Хозяйка хочет свитера всех цветов радуги.

Рене разевает рот:

– Вы хотите сказать, у неё семь собак?

– Нет, их пять. Горлышки свяжу из двух других цветов: индиго и оранжевого. Миссис Ирвин дала очень чёткое задание, – пожимает он плечами. – Она художник.

– Здорово-то как. Кажется, это так сложно. Откуда ты знаешь размер?

– Я снял мерки. К тому же это пробный образец, – отвечает папа.

Я снимаю рюкзак и достаю из него записку родителям.

– Пап, сегодня в школе кое-что произошло.

– Вам что-то угрожает?

– Нет, нет. Но нас сегодня запирали. Вот, прочти это.

Папа откладывает вязание в сторону и читает письмо. Пробегая глазами по письму, он сводит брови. Он задерживает взгляд на письме на некоторое время, а потом поднимает глаза на нас.

– Вы же знаете, что вы были в безопасности всё утро? Они нашли оружие в библиотеке и просто приняли меры предосторожности.

– Только оружие? Без владельца? – спрашивает Рене.

– Верно. Они заперли школу, потому что думали, что человек, оставивший оружие, всё ещё в школе. Они ошиблись. Этот человек успел уйти.

Я представляю себе прочёсывающего школу мистера Руперта в камуфляже и с ружьем в руках. Я знаю, что, как только он увидит меня на записи, когда я разносил газеты, он подумает, что это я украл его почтовый ящик.

– У соседей пропадают разные вещи, – наконец говорю я.

– Пропало украшение к Хэллоуину, почтовый ящик, а ещё рыбки «Потока мечты» со школьного забора, – добавляет Рене.

– И всё же, зачем кому-то прятать оружие в библиотеке? – спрашиваю я. – Думаешь, это своего рода предупреждение?

– Брось или уходи? – говорит папа.

Телефон звонит раньше, чем я успеваю обдумать его слова. Папа берёт трубку на кухне, но по его радостному голосу я понимаю, что звонит мама. Она в Лондоне, скорее всего, в аэропорту. Папа переходит на шёпот, поэтому я не слышу, что он говорит. Наконец он зовёт меня.

– Стивен, мама звонит.

Я кидаюсь к телефону.

– Привет, мам!

– Привет, Стивен. Я слышала, в школе снова все оживились?

– Да, нас даже полиция допросила. Они хотели узнать, не видели ли мы подозрительных лиц у школы.

– Вы что-то видели?

– Не знаю, мам. – В моей голове мелькает девушка с пирсингом в носу, мистер Руперт, регулировщик. – А как вообще выглядят подозрительные лица?

– Хороший вопрос, – говорит мама. – Знаешь, как-то раз охрана сказала, что нашла гранату в ручной клади одного пассажира.

– Серьёзно? – У меня сводит желудок от одной этой мысли. Я боюсь летать даже без оружия на борту.

– Да. Они задержали молодого человека. Оказалось, он снимает фильм, а граната – бутафорская. Рейс задержали на целый час.

– Думаешь, в школе снимают фильм? – спрашиваю я.

– Нет, я хочу сказать, что наверняка есть логическое объяснение, откуда появилось это оружие. Но я рада, что директор перестраховалась. Тогда я тоже радовалась, что охрана обыскала сумку пассажира с гранатой. – Я слышу, как она улыбается. Как будто она меня обняла, хотя её даже рядом нет.

Я зацепился за это ощущение на мгновение. Но затем во мне забурлила другая тревога. Я должен поделиться ею с мамой.

– Пропал почтовый ящик мистера Руперта… – Может, мама поможет мне почувствовать себя лучше, ведь он умеет пугать людей.

Но всё выливается в восьмую ошибку за сегодня.

– Мистер Руперт? О нет. Только не трогай его вещи. Никогда. С тех пора как умерла его жена, он сам не свой… Ты меня слышишь? Мне надо идти на посадку. Я люблю тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/maknikol_sil-viya/raz-oshibka-dva-oshibka-delo-o-derevyannoy-rybe

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити